Annales Collegii Nobilium Opolienses
5 (2016)

Борис М. Лепешко

Дивергенция или конвергенция ценностей?

Абстракт: В статье рассматривается возможность сближения (конвергенции) или дивергенции («разбегания») ценностных систем. Обосновывается мысль, согласно которой ближайшие перспективы связаны с развитием именно национальных аксиологических систем, основанных на традиционных ценностях. Подчёркивается важная роль в этом процессе философии, философского знания, поскольку именно перед философами в первую очередь стоит задача разработки важнейших постулатов аксиологического характера. Материал излагается на основе примеров из белорусской политической, общественной жизни, практики построения первого суверенного государства в Республике Беларусь.

Ключевые слова: государство, аксиология, философия, национальная идея, ментальность, исторический опыт

The Divergence or the Convergence of Values?

Abstract: The possibility of convergence or divergence of value systems is described in the article. The idea according to which the near-term prospects associated with the development of national axiological systems is based on traditional values is substantiated. The importance of philosophy, philosophical knowledge in this process is emphasized, because it is primarily philosophers task to develop the most important axiological tenets. The material is presented through examples of Belarusian political and public life, the practice of constructing the first sovereign state in the Republic of Belarus.

Keywords: state, axiology, philosophy, national idea, the mentality, the historical experience

В эпоху, когда кризисы становятся глобальными и перманентными, когда бич терроризма преследует людей так, как преследовали свободных римлян полчища Аттилы разговор о ценностях, которые могут стать основополагающими в современном обществе необходимо начать с разговора о философии. Почему с философии? Очевидно, что именно философия в первую очередь может предложить некие общие подходы к пониманию и сути происходящих событий, и программу выхода из проблемных ситуаций. Но сделать это сегодня крайне трудно, поскольку сама философия давно выведена за пределы приоритетных дисциплин в системе знания, уступив место либо прагматическим дисциплинам, которые инициируют прагматические проекты, либо междисциплинарному знанию, в рамках которого определить собственно место философии со временем становится всё сложнее. К этому стоит добавить и ещё оно важное соображение: интерес к философии упал (впрочем, это феномен не только нынешней эпохи), востребованы разве что те книги, которые ориентированы на неклассические ориентиры. Какие-то работы переиздаются, но интерес сопутствует, как правило, трудам мистического, эзотерического характера. Критической оценке подвергаются работы классического направления, классическая эпистемология и онтология, что вызывает протест не потому, что в этой философии нет недостатков, а потому, что здесь достаточно часто имеет место то, что классики называли «зряшным отрицанием», отрицанием, за которым отсутствует приращение знания.

Однако долю вины за этакое положение дел несёт и сама философия, точнее, представители философского знания. Если взять узкий сегмент проблемы, связанный с развитием философского знания в суверенной Беларуси, то следует сразу же отметить главную проблему: отсутствуют работы концептуального характера, которые могли бы претендовать на «прозрения» в духе требований эпохи. В основном распространены «критики» разного рода, в которых рассматриваются (пересматриваются) различные концепции прошлого, распространены статьи интерпретирующего характера, ведётся активный поиск идей (лиц), на которые могла бы опереться в своих эвристических поисках современная мысль. Но факт: такие идеи (лица) не появляются, а если и идёт разговор о знаковых фигурах, то эти фигуры являются таковыми для очень узкого круга персон, проявляющих к ним интерес. Можно смело констатировать, что заявивших о себе самостоятельно мыслящих философов европейского уровня в стране вообще нет, те же профессиональные учёные, которые работают на этом поприще, разрабатывают локальные проблемы с раз-

ным успехом и признанием. Это – одна из принципиальных проблем именно белорусской философской теории и практики. Скажем, русская философская мысль находит оправдание в замечательной плеяде именно самостоятельно мыслящих людей 19–20 веков. Это такие известные имена, как Вл. Соловьёв, Н. Бердяев, Н. Лосский, Ф. Достоевский, В. Розанов и многие иные мыслители, которые активно переиздаются сегодня и в работах которых, при всей восприимчивости идей западных специалистов, легко обнаружить именно русский контекст, русскую идею. Парадокс национальной ситуации заключается в том, что необходимо найти именно национальных мыслителей, именно белорусскую идею, но факт: все попытки обнаружить концептуальные и системные попытки расшифровать национальный духовный код пока остаются безрезультатными. И здесь остаётся два выхода. Первый, мифологического характера: воссоздаются, реанимируются имена людей, малоизвестных в период их жизни и неизвестных ныне. Их достаточно часто поднимают на пьедестал «национальных мыслителей», хотя заслужить такую честь, мало кому удалось. Типичный пример такого мифотворчества – обращение к 30-страничной работе «Адвечным шляхам» рано ушедшего из жизни белорусского автора И. Абдираловича. Главная идея работы – «многовековое колебание Беларуси между Востоком и Западом». Известная идея, известные аргументы, здесь хотелось бы задать один вопрос: и что, вся соль и смысл существования интеллектуального цеха страны заключается в парафразе этой банальной, по сути, мысли? Получается, что так и до сегодняшнего дня делаются попытки «обогатить» этот тезис разного рода реминисценциями.

Есть и второй выход: рассматривать белорусскую национальную проблематику в более широком контексте, учитывая достижения восточнославянской духовной жизни в целом. Тогда многое упрощается: Пушкин «наш», как нашими являются и Мицкевич, и украинские мыслители. Конечно, тогда возникает проблема национальной идентификации, но тут вопрос в том, где искать приоритеты – в попытках найти истину или желании мифологизировать как прошлое, так и настоящее.

К настоящему времени эта проблема не решена, выбор каждый делает самостоятельно. Но амбивалентность такого рода играет плохую службу: в стране развиваются часто противоположные по смыслу и содержанию духовные процессы, каждый из которых претендует на исключительность и каждый из которых вносит свою лепту в полярный процесс становления общества. Нужны идеи, факты, процессы, которые не вызывали бы

отторжения и иронии со стороны большинства нации. Таких идей, фактов, процессов в настоящее время нет. Это говорит о том, что процесс становления белорусского общества ещё не закончен даже в принципиальных границах, что тут говорить о частностях. Мало того, наши претензии к философии, работе цеха философов оправданы лишь в некоторой мере. Дело в том, что традиций философствования нет, традиций деятельности именно национального цеха философов тоже нет. Скажут: да разве так лишь у нас одних? Вот «Газета выборча» 19.01 2012 года опубликовала интервью с крупным польским учёным профессором А. Марынярчиком. Название интервью символическое: «Существует ли польская философия?» Дело в том, что профессор, работающий в Католическом университете Люблина, является редактором двухтомной «Энциклопедии польской философии». В интервью утверждается, что такая философия есть и это не вызывает сомнений. Но вопрос поставлен, и он также говорит о сомнениях, которые существуют и в польском обществе[1].

Другими словами, прежде чем вести речь о ценностях общества, необходимо ясно и недвусмысленно трактовать (понимать) систему сложившихся в мире и конкретном обществе философских доминант. Надо представлять (хотя бы в общих чертах) систему мировоззренческих констант, на базе которых только и возможно формирование ценностных предпочтений. В начале – философия, философское осмысление действительности, нашего прошлого и понимание перспектив футурологического характера, а затем уже формирование системы ценностных предпочтений. Попробуем в этом контексте обратиться к белорусскому обществу.

* * *

Если попытаться осмыслить в самом общем и кратком виде белорусскую душу (белорусскую историю, белорусскую ментальность, белорусскую философию), то здесь нам поможет (методологически) выдающийся русский философ Н.А. Бердяев, написавший статью, которая называется «Русская и польская душа». То, что у философа в аутентичном тексте отсутствует «душа белорусская», понятно: не было тогда такой души. Душа русская – это простота, бесхитростность, жажда спасения, в ней «нет ничего готического». В русской душе нет организованности, зато много странничества. Она тяготеет к коллективизму, в том числе и церковному, в ней много смирения, но мало жертвенности. Польская душа, полагает

---

[1] A. Maryniarczyk, *Czy istneje polska filozofia?*, „Gazeta Wyborcza", 12.01.2012.

Н. Бердяев, переполнена аффектацией, в ней живёт чувство превосходства и мессианизм. Русские искалечены «внутренним рабством», а поляки – «рабством внешним»[2]. Мыслитель высказывает, кстати, оптимизм по поводу возможного сближения, взаимопонимания между поляками и русскими.

Если в этом контексте поставить вопрос о белорусской душе, то возникает несколько вопросов. Первый из них: если без души вообще нет нации, то, в каком смысле можно говорить о белорусской душе? Ведь очевидно, что ни мессианизма, ни аффектации в белорусской национальной душе нет. Как нет и аристократизма. А что есть? Есть желание выжить любой ценой, есть желание приспособиться к обстоятельствам, есть перманентные попытки любыми средствами сохранить свою идентичность. Белорусской душе присуща наивность, но наивность особого рода: с хитрецой, лукавством, стремление обмануть, если есть в том потребность и чувствовать себя правым, если обман удастся. Белорусской душе априори присуща простота, ясность, исчерпывающая откровенность, но опять-таки, особого рода. Простота – как символ равновесия с природой, прежде всего. Ясность – как открытость желание продемонстрировать, что камня в кулаке нет. Откровенность – в форме притч, символов, метафор и мифов.

Казалось бы, белорусская душа – православная, по сути. Это так, но православие русской души и души белорусской – разное. В нашей генетической памяти живут конфессиональные перевороты и жёсткая борьба за духовную истину. Например, протестантизм коснулся нас не по касательной: нам близки многие истины протестантизма. Далеко не случайно межконфессиональное согласие, веротерпимость – важные особенности белорусской души. Мы принимаем протестантизм и потому, что он – «свой».

Сложно утверждать, что только белорусская душа постоянно кровоточит. И потому, что это – судьба не только белорусов. Но главное в ином: мы научились забывать, потому что если помнить все жертвы, нацию настигнет грех коллективного умопомешательства. Но наша забывчивость, при всём понимании основ этой забывчивости, сыграла и отрицательную роль: мы легко забываем вчерашнее и чаще живём сегодняшним днём, но не днём будущим. Футурологические мечтания – не для нас. Пафос страдания, жертвы вторичен для белорусской души. Именно пафос. Мы не пафосны. Аристократизма как не было, так и нет. Какие аристократы,

---

[2] Н.А. Бердяев, *Судьба России*, „Мысль" 1990, стр. 141–142.

если всё время повторяем про «интеллигенцию в первом поколении». Но, наверное, нынче можно смело говорить и о интеллигенции во втором, третьем поколении. Есть упорное движение по лестнице социального бытия и иногда это движение может показаться неосознанным. Когда говорят, что белорусская государственность возникла во многом случайно, вследствие стечения обстоятельств, вроде краха СССР, то с этим мнением сложно полемизировать. Однако надо помнить и иное: большинство крупнейших исторических событий можно интерпретировать в категориях случайности. Здесь и известная гегелевская диалектика и понимание того, что важнейшие исторические события – фатумны. Тот же развал СССР, создание белорусского государства вряд ли были бы возможны вне конкретных исторических персон, известных нам. Могли они вообще не быть? Конечно, могли. Но они появились, они живут и это тот факт, который выше любых случайностей.

Белорусская душа многие века жила «в углу», для неё не было простора – ни метафизического, ни природного. Моря не было. Поэтизация леса, рек, полей и неба – инстинктивный поиск выхода из этого «угла». Надо признать: чаще всего белорусскую душу загоняли в этот «угол», но надо признать и иное: она позволяла себя туда загнать.

Белорусская душа – это и не польская, и не русская душа. Это очевидно, даже на основе приведённых хаотических реминисценций. Что важно: никогда и никто среди белорусских авторов не претендовал (не формулировал) некой «особой» правды, «особой» истины, не было намерений сформулировать свой, особый путь и своё особое понимание ценностей. С одной стороны, это происходило вследствие слабости национальных интеллектуальных сил, об этом уже говорилось. Со стороны другой, поиск «особых» путей не был притягателен для людей, народа. Народ, люди, вообще-то, заявляли одно стремление и формулировали одну цель: дайте спокойно жить. То есть, без войн, без набегов, без уничтожения по классовому, национальному, религиозному или иному признаку. Это можно трактовать как признак незрелости нации, но можно – как понимание высшей ценности жизни, и именно для тех людей, которые века жили в пределах ожесточённых столкновений различных сил друг с другом. Символично: гражданских войн любого качества и уровня наши территории не знали. Люди были объединены именно идеей выживания, идеей спасения собственно жизни, поэтому все столкновения межгражданского характера были исключены.

Вообще говоря, применительно к белорусскому менталитету, белорусской душе очень удобно применять частицу «не». Мы не мигрировали, не переселялись в более плодородные районы. Не покоряли Индию и Китай. Не переплывали на самодельных судах моря, да и где его было взять, море-то? Не завоёвывали чужие страны. Не ходили в крестовые походы. Вот иногда можно услышать аргумент такого рода: православие, в отличие от католической традиции, не знало таких институтов, как инквизиция, крестовые походы, орденов, вроде иезуитов, огненных аутодафе, которые у нас были скорее исключением по отношению к еретикам. Но здесь, как всегда, есть и своя оборотная сторона. Скажем, много ли мы можем назвать отечественных Джордано Бруно и Галилео Галилеев? Кому было идти на иноверцев в дальние страны и как? Мысль не продолжаю, суть, полагаю, понятна. Совсем иное – общий восточнославянский контекст, но мы об этом речи сейчас не ведём.

* * *

Теперь мы вправе начать разговор о ценностях и, прежде всего, в контексте нынешней эпохи. Первый вопрос: изменилась ли принципиальным образом белорусская душа за последние столетия? Нет, принципиальных изменений не последовало. Однако и сказать, что белорус 21 века и века, например, 17-го – это ментально один и тот же белорус, сказать нельзя. Процессы глобализации, в частности, не прошли бесследно и для национального сознания, и для системы ценностей нации. Две кровопролитные войны XX века оставили свой незаживающий след. Крах СССР, как к нему не относиться – это очень болезненный процесс для большинства граждан страны. Как же можно охарактеризовать систему ценностей, господствующую сегодня в белорусском обществе?

Первая, фундаментальная опора – антинасилие. Белорус настолько привык к насилию, что антинасилие становится доминантой всех мыслимых процессов – в экономике, политике, духовной сфере. В каком-то смысле нация оказалось «сломанной» -- в той части, где, например, должны быть пассионарии, активные люди. Но эти активные люди либо эмигрировали, иногда просто сбежали в Москву или Варшаву, либо уехали вообще за тридевять земель. Несколько раз уже приходилось говорить о том, что у нас целый пласт литературы посвящён «выходцам» тем, кто уехал в Париж и стал известным художником, кто уехал в Тель-Авив и прославился на государственном поприще, кто стал известным учёным

в Южной Америке. Но нет ни одной книги, где говорилось бы о «входцах», тех, кто приехал в страну и сделал здесь себе имя. По простой причине: таких людей нет. Дело ещё и в том, что перманентное насилие, которое бытовало на наших землях, «зачистило» географическое, духовное пространство – людей убивали, уничтожали, калечили и это сказывается до сих пор. Если генофонд нации из века в век уничтожать, то последствия этого процесса очевидны.

Вторая фундаментальная опора – толерантность. У нас распространено сугубо позитивное отношение к ценностям, стоящим за этой категорией, мы с гордостью произносим фразу про «особую толерантность» белорусов. При всей бесспорности позитивного содержания толерантности, важно отметить, что наша толерантность – скорее вынужденная, и она имеет черты, негативно сказывающиеся на развитии общества. Толерантность может ведь выглядеть как терпимость к недостаткам, к несправедливости, к существующему статус-кво. Толерантность – это ведь и форма приспособления к социуму, когда вместо активной, жёсткой, пассионарной позиции заявляется точка зрения, известная по слогану «а, можа, так и трэба?». Толерантность – следствие неактивности, пониженной креативности или отсутствия этой самой креативности. Почему это можно характеризовать в категориях негативного толка? По простой причине: очень часто собственной национальной правды надо добиваться активно, жёстко, не боясь того, что будут ущемлены чьи-то интересы. Вот ведь утверждают, что белорусы молодцы, не создали империй, не вели захватнических войн и т.д. И хочется возразить: а что ж тут хорошего? Мы очень часто выглядели «страдательными» персонами, пригодными лишь для того, чтобы терпеть, ждать, работать. Вот в этом контексте тот факт, что собственное реальное национальное государство у нации появилось лишь в XX веке, выглядит закономерным итогом всех этих толерантных процессов. Если, как говорят некоторые теоретики, государство появилось в результате завоеваний, то и мы не могли его создать, потому что завоёвывали нас, а не мы. Если, по Марксу, государство появляется вследствие классового соперничества и закрепления экономических отношений в правовой (государственной) форме, то и здесь невесело: собственный класс аристократии (элиты), так и не был создан, всё больше служили под чужими знамёнами.

Третья ценность – доброта, традиционное отрицание зла, как принципа жизни, стремление «жить по совести». Вот здесь сошлись воедино очень многие ценностные черты: и неприятие насилия, и толерантность,

и терпение (притерпелость). Сложно сказать, где заканчивается доброта как родовая черта, в каком-то смысле вынужденная черта и начинается доброта как сформированное, сознательное, ценностное качество. Белорус очень часто добр не потому, что об этом ему «говорит» некий «кодекс», а потому, что альтернативы нет. То есть, он на собственной шкуре почувствовал преимущество именно доброты, поскольку ему не оставляли выбора. Быть злым, агрессивным – это роскошь сильного, удачливого, наступательного, а мы этой роскоши традиционно были лишены. Это, конечно, вовсе не значит, чтобы не было исключения из правил, что не было лиц, оставивших иной (не толерантный) след в истории. Но мы говорим о тенденциях, а не о частностях.

Для нации характерны и иные важные ценностные черты, такие, как работоспособность, умение и желание трудиться, несмотря ни на какие обстоятельства, стремление приспособиться к обстоятельствам и найти в них личную выгоду, даже если эти обстоятельства и вызывают отторжение. Говорят о коллективистском менталитете, но здесь нужны существенные оговорки. Дело в том, что часто выживали по одному, спасались по одному, и здесь любая «талака» уходила на второй план. Собственно, чему здесь удивляться, человеческая природа эгоистична в своей основе и это касается, фактически, всех. Ценности, связанные с образованием, эстетическими прорывами реализовывались очень тяжело и, как правило, в других регионах, той же России и Польше. Ситуация изменилась в XX веке и здесь, конечно, очень позитивную роль сыграло как появление Советского государства, так и создание Белорусской республики в составе СССР. Объективно – это был мощнейший прорыв в развитии нации, которая смогла преодолеть некоторые родовые проблемы и начать процесс формирования и развития на принципиальной новой основе. Создание своего государства (пусть «неполноценного»), формирование национальных кадров, своей профессуры, появление университетов и т.д. – об этом важно говорить в аксиологическом аспекте постольку, поскольку была создана объективная база для новых идей и принципов. Надо заметить, что за XX век сделано было очень много: и в части формирования чувства собственного (национального) достоинства, и в форме новых ценностных ориентиров. Среди них – практическое и теоретическое осознание самих себя, формирование национальной элиты, которая могла поставить задачу формирования собственных приоритетов, появление национальной интеллигенции, которая начала работать «внизу», в школах, трудовых коллективах. Но

здесь новый этап, связанный с крахом СССР, созданием национального государства и выходом в белый свет – именно как суверенного государства. Возникла масса проблем, попробуем выделить главные тенденции, связанные с аксиологической проблематикой.

* * *

Самое главное – это решение вопроса, связанного с принципиальным выбором направления пути: дивергенция или конвергенция национальных приоритетов, ценностей? То есть, выбор тех ценностей, которые заявлены как приоритетные, в частности, странами Евросоюза (права человека, демократические процессы, либерализм и т.д.), либо поиски и формирование национальных (в своей основе) идей и программ. Не случайно в стране фактически несколько десятилетий шла достаточно оживлённая дискуссия по поводу феномена «национальной идеи». Она и нынче имеет место, но темп обсуждения явно снижен, острота пропала. Главным образом, потому, что дискуссия зашла в тупик, фактически дело ограничилась достаточно общими лозунгами про процветание и развитие, которые могут иметь место в любой, фактически, стране. Но раз национальная идея не формируется, значит, время её просто не пришло, острой необходимости в её появлении нет. Жанна дАрк ведь появилась со своими мессианскими лозунгами не во времена благополучной Франции, а Франции разорённой, опустошённой, завоёванной. Бисмарк стал говорить об объединении Германии не потому, что родился с этой идеей на устах, а в связи с реальными процессами развития немецких государств. На наш взгляд, придумывать ничего и не надо было, поскольку национальная идея была налицо: создание, укрепление национального, суверенного государства. Не было более важной задачи для нации в XX веке, да и в нынешнем столетии – тоже. Но что интересно: здесь продолжаются, «пролонгируются» всё те же особенности ценностного выбора многих людей. То есть, в массах задачу создания и укрепления собственного национального государства никто не ставил, об этом говорили некоторые деятели националистического движения, но их роль и влияние были несущественными. Для того, что именно вот эта идея стала господствующей, понадобился человек, крупная личность, которая смогла убедить в важности и правильности именно такого пути развития.

Интересно и то, что собственно европейские ценности либерального толка, выстраданные Европой за несколько веков развития, у нас были восприняты с очень большой настороженностью. Точнее, они не были

восприняты вообще. Причиной тому иной исторический опыт, иная цивилизационная школа, иная практика правовой государственной жизни, да, собственно, многое «не так», как в Европе. И все фразы о том, что «мы Европа» или «мы в Европе» повисали в воздухе, потому что за фразами не было никакого реального содержания. Склонен считать, что похожая ситуация имеет место и в нынешней Украине, и эта непохожесть «национального» на «общеевропейское» ещё проявится, в том числе и в острой форме. Конвергенция ценностных ориентиров невозможна не потому, что кто-то думает не так, это как раз нормально. Конвергенция невозможна потому, что белорусское, в частности, общество, с очень большой долей скептицизма смотрит на многие важнейшие ценностные приоритеты Запада.

Чтобы быть более понятным, вспомним известное выступление патриарха Алексия в Страсбурге. Один из депутатов Европарламента задал ему вопрос: почему Русская православная церковь столь жёстко выступает против практики однополых браков и сопутствующих процессов (демонстраций активистов ЛГБТ и т.д.). Ведь права человека первичны, поэтому, почему и на каком основании эти права ограничиваются? В-том-то и вопрос – это уже из ответа патриарха, -- что права человека не первичны. Первичен моральный кодекс, в частности, христианский моральный кодекс. А потом мы уже можем говорить о личности, её правах и пределах этих прав, которые ведь не безграничны. В этом примере – предпосылки невозможности конвергенции ценностных систем и неизбежность дивергенционных процессов. То есть, ценностные «миры» остаются ценностными мирами, что бы и как бы мы не заявляли в качестве желательного развития событий. Это как процессы в нашей стране после событий 1991 года. Сколько вели речь об общечеловеческих ценностях, важности демократизации, единстве со всем цивилизованным миром, но всё вернулось на круги своя. И общечеловеческие ценности растворились в реальном жизненном процессе, и вновь появились на свет патриотические лозунги, ничем не отличающиеся от лозунгов недавнего прошлого и т.п. Склонен полагать, что у конвергенционных процессов в области ценностных ориентиров нет перспектив, во всяком случае, сегодня и в обозримом будущем. Прежде всего, потому, что ценности – это не только искусственная, идеологическая конструкция, это то, что «залегает» в ментальности, в историческом опыте, что живёт на генном уровне. Вот привычные апелляции к толерантности, нерешительность, привыкание к статус-кво – это то, что мы вряд ли выкорчуем сами в себе, да и большой

вопрос – надо ли это всё корчевать. Если обратимся к антироссийской риторике, которая господствует в ряде постсоциалистических стран, то ведь и это – не только наследие XX века. Возьмите практику польской общественной жизни, апелляцию к устоявшимся ценностям – они ведь не появились вдруг, хотя и подвергаются сегодня достаточно жёсткой обструкции со стороны некоторых представителей интеллектуальной, политической элиты. Скажут: а как же ценности западноевропейского мира, они ведь пришли к некоему аксиологическому консенсусу? Тут всё не так просто. Во-первых, пришли ли – это ещё вопрос, во всяком случае, выход Великобритании из ЕС, проблема мигрантов свидетельствуют именно об этом. Во-вторых, у Западной Европы много общего, фактически одна историческая судьба, близкая ментальность. Всё то (такие же характеристики), что объединяет – в очень большой степени, восточных славян. Так что сложно прогнозировать сближение европейского континента (всего европейского континента) на основе неких единых ценностных ориентиров. Конечно, что-то можно искусственно разрушить, что-то можно сломать, что-то можно навязать, пользуясь правом сильного. В возможности именно такого развития событий сомнений нет. Но есть уверенность и в ином. Даже «затоптанные» ценности могут вернуть свою силу и актуальность. Даже искоренённые ценности могут быть реанимированы. У нас впереди длительный период сосуществования в условиях наличия различных систем ценностного характера. В этом нет ничего страшного, катастрофического, это естественный процесс. Надо лишь уважать выбор друг друга и не добиваться распространения одной системы ценностей агрессивными способами. А время покажет, что окажется более жизнеспособным.

Литература

Бердяев Н.А., *Судьба России*, „Мысль” 1990, стр. 141–142.
Maryniarczyk A., *Czy istneje polska filozofia?*, „Gazeta Wyborcza”, 12.01.2012.

• **Professor Dr Boris Lepeshko** – Brest State University (Belarus), Faculty of Law, Department of Philosophy. Professor of philosophy, guest professor at the University of Opole. Research interests: logic, philosophy of law, methodology od science.

Contact details: Br Kosmonavtov 21, 320, 224000 Brest, Belarus, e-mail: borys_lepieszko@tut.by.